

ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

ПРЕСТУПНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

Чезаре Ломброзо

**Новейшие успехи
науки о преступнике**

«ЭКСМО»

1890

Ломброзо Ч.

Новейшие успехи науки о преступнике / Ч. Ломброзо —
«Эксмо», 1890

«Быстрое, стремительное развитие уголовной антропологии лишает ученых возможности спокойно выжидать появления новых исследований, обыкновенно очень объемистых, снабженных обильным материалом и требующих для своего появления продолжительного времени. Специальные журналы хотя и дают ясное представление обо всех вновь появляющихся работах, но следить за ними доступно не всякому. Поэтому я счел полезным в настоящее время сделать краткий очерк успехов уголовной антропологии...» Чезаре Ломброзо

Содержание

Предисловие автора	5
I	5
II	8
III	10
Глава 1. Морфологические аномалии	13
I	14
II	15
III	16
IV	17
V	20
VI	21
VII	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Чезаре Ломброзо

Новейшие успехи науки о преступнике

Предисловие автора

I

Быстрое, стремительное развитие уголовной антропологии лишает ученых возможности спокойно выжидать появления новых исследований, обыкновенно очень объемистых, снабженных обильным материалом и требующих для своего появления продолжительного времени. Специальные журналы хотя и дают ясное представление обо всех вновь появляющихся работах, но следить за ними доступно не всякому. Поэтому я счел полезным в настоящее время сделать краткий очерк успехов уголовной антропологии.

Но прежде всего я должен ответить обширной критике, возбужденной изучением этой новой отрасли знаний; размеры критики уже сами по себе служат доказательством серьезного значения уголовной антропологии.

Топинар не признает за мной права устанавливать существование типа преступника, так как я сам определяю, что этот тип не подтверждается в 60 наблюдениях из 100.

Конечно, если с понятием о типе связывать представление о том, что он должен встречаться во всех наблюдениях, то его нельзя признать. Но уже в моих первых трудах я указывал на то, что к понятию о типе преступника надо относиться так же, как мы относимся к понятию среднего данного; если в статистике говорят, что средняя продолжительность жизни равна 32 годам, а наибольшая смертность падает на декабрь, то никому не придет в голову предполагать, что все или почти все должны умирать в 32 года и в декабре.

И не я один придерживаюсь такого определения средних.

Я могу сослаться на следующие строки замечательного труда Топинара, наиболее ярого из моих противников.

«Тип, – говорит Гратьоле, – это синтетическое впечатление».

Тип, по Гёте, есть абстрактное общее представление, которое мы получаем, наблюдая сходства и различия. Родовой тип, замечает Изидор Сен-Илер, нельзя видеть глазами, его можно только представить себе мысленно.

«Типы людей, – говорит Брока, – не существуют в действительности; это – абстрактные идеальные представления, являющиеся результатом сравнения расовых разновидностей; эти представления состояются из совокупности характерных черт, общих известному числу расовых разновидностей».

«Мы вполне согласны с этими взглядами: тип есть собрание характерных черт по отношению к той группе, которую он выражает; тип есть собрание отличительных черт, *наиболее выдающихся и наичаще встречающихся*. Отсюда вытекает целый ряд выводов, которых антрополог не должен забывать ни в своей лаборатории, ни среди народов Центральной Африки».

«Тип, по прекрасному выражению Изидора Сен-Илера, – это неподвижная точка, общий центр, а разновидности представляют отклонения в различных направлениях; бесчисленно разнообразные колебания. Природа играет вокруг этой точки, по выражению древних анатомов, сохранившемуся до последнего времени в германском наречии».

«В примерах, при таком прекрасном определении, нет надобности. Тем не менее, возьмем сотню однородных черепов, например серию овернских черепов, описанную Брока. Эта серия черепов была добыта на древнем горном кладбище, в уединенной местности; прибавим,

что череп дает полное представление об индивидууме, которому принадлежит, с тем преимуществом, что череп можно измерять, вертеть в руках, словом, обходиться с ним, как угодно.

При первом взгляде вас поражают различия черепов: нет двух черепов совершенно схожих между собой; после самых тщательных исследований надо сознаться, что все они отличаются друг от друга какой-либо чертой. А между тем за малыми исключениями они все имеют нечто общее, что соединяет их в одну семью и отличает их от других групп, например, от сотни черепов соседних басков или, еще более, от сотни новокаледонцев.

В некоторых черепах такое семейное сходство очень сильно выражено. Приступая к исследованию характерных черт и измеряя черепа для более точного ознакомления с ними, мы замечаем, что среди них попадаются более или менее брахицефалические, мезоринические и прочие. Выражая это в цифрах, служащих числовым выражением особенностей черепа, и располагая эти цифры по разрядам согласно нижеизложенному методу, мы заметим, что известная степень черепных особенностей повторяется наибольшее число раз и что следующие степени идут постепенно уменьшаясь. То же и по отношению к прогнатизму, мезоринизму и двадцати другим подобным отличительным чертам. Череп, представляющий собрание характерных черт, выраженных в наичаще встречающейся степени, есть полное выражение этой группы черепов; в нем выразится искомый фамильный облик ее, ее совершенный тип. Но такого идеального черепа не существует в действительности; и в серии из тысячи черепов, вы, быть может, не встретите ничего подобного».

«Измеряя характерные черты черепов и выводя из этих измерений средние величины, Брока получил так называемый “средний череп”. Но этот череп, обладающий всеми средними размерами или, по крайней мере, средними отношениями и представляющий среднюю форму, пожалуй, даже средний объем, тем не менее представляет искусственное создание. Такой череп не соответствует, строго говоря, ни идеальному черепу, полученному при исследовании по сериям, только что указанным, ни какому бы то ни было реальному черепу. Только случайно можно встретить средний, или типический, череп».

«Тип какой-нибудь серии черепов, или индивидуумов, не представляет осязаемого предмета, доступного ощупыванию; это – продукт работы, это – желание, надежда, “абстрактный и общий образ”, по выражению Гёте. Тот же результат получается, если вместо математических измерений исследовать черепа чувством и осязательными движениями, сохраняя впечатление каждого черепа, отбрасывая исключительные черты, накапливая черты, наиболее часто встречаемые и представляющие наибольшее различие с другими группами, создавая в своем воображении типический результат, квинтэссенцию его черт».

«Родовой, расовый тип, тип народности или группы черепов, вообще какой-либо группы предметов – это собрание наиболее выраженных, наиболее постоянных и выдающихся черт, отличающих данную группу от других групп».

«Несомненно, что не все характерные черты имеют одинаковое значение: одни характерные черты малозначащи, другие имеют решающее значение и, чтобы употребить настоящее слово, – характеристичны. Само собой разумеется, что иногда ни одна черта в отдельности не имеет значения, а важна их совокупность».

«Типы бывают хорошими, дурными и безразличными, резкими и сомнительными. Но возникает вопрос, какое же минимальное число характерных черт необходимо для определения типа? Этот вопрос неразрешим. Всякий решает его по-своему, сообразно точности, какая необходима в каждом частном случае. На практике вполне достаточно двух или трех хороших физических признаков, особенно если они обоснованы и опираются на физиологические, исторические и тому подобные данные».

Таким образом, сам Топинар совершенно согласен с нами.

Он не допускает, однако, мысли об атавизме преступников, потому что, по его мнению, между людьми и животными нет непрерывной связи. Мне было бы очень легко ответить на

это, указав лишь на имена Дарвина, Ламарка, Уолесса и даже Бюффона, доказавших непрерывность цепи органических существ, пробелы которой ежедневно пополняются новейшими палеонтологическими открытиями; однако в этом нет надобности, ибо если бы даже этой цепи не существовало в зоологии, то ее можно указать в эмбриологии человека.

Еще удивительнее то, что многие, вполне допуская атавизм у преступников, в нем именно и видят невозможность допустить патологическое его значение. Мануврье, наоборот, вполне признавая патологическое значение атавизма, которым объясняется асимметрия лица, беспорядочное размещение зубов у преступников, черпает из этого соображения, чтобы отрицать атавизм у преступников. Но разве мы не видим во многих случаях душевных болезней (например, при микроцефалии) соединение, почти слияние патологии и атавизма? И как же иначе понимать явления атавизма у человека, если не признавать участия патологического состояния зародыша?

II

Припомним здесь, что во всех этих открытиях, как и вообще во всем, что представляется действительно новым в области эксперимента, наибольший вред приносят логика и так называемый здравый смысл – самый страшный враг великих истин. В подобных начальных исследованиях приходится прибегать скорее к телескопу, нежели к лупе. При помощи лупы, при помощи силлогизма и логики вам докажут, что солнце движется, а земля неподвижна, что астрономы ошибаются!

Рассуждая строго логически, Мануврье говорит, что не следует сравнивать преступников с солдатами, потому что солдаты претерпели уже подбор; но он забывает, что мы сравнивали преступников со студентами и со светскими людьми, Марро сравнивал их с туринскими рабочими, а Тарновская сопоставляла преступниц с крестьянками и русскими женщинами.

Он говорил, что следует делать сопоставление с добродетельными людьми; но мы могли бы ответить, что добродетель в нашем мире уже сама по себе представляет большую аномалию.

Вы видите, что при помощи логики мы, подобно отцу, сыну и ослу – героям известной басни, поставлены в невозможность сделать какой-либо выбор и ни на шаг не можем продвинуться вперед.

Мануврье обвиняет нас в том, что мы остановились на нескольких чудовищных преступниках, «чего недостаточно для доказательства, что преступники суть анатомические чудовища».

Признаюсь, я не ожидал такого упрека со стороны столь достойного анатома, как Мануврье. Так же как на свете нет случайностей, так и в природе не существует чудовищ: все явления подчинены закону; уродства, может быть, более, чем другие явления, ибо весьма часто они суть не что иное, как продукты тех же самых законов, доведенных до крайности.

Но сверх того, справедливость этих упреков опровергается той частью критики, в которой мне ставится в упрек, что «я собрал слишком много примеров без всякого выбора».

В этом упреке есть, впрочем, доля правды; совершенно верно, что, подвигаясь вперед, мы увидели, что существует не один общий тип преступника, а несколько частных, довольно резких типов: воры, мошенники, убийцы – и что преступницы обладают наименьшим количеством признаков вырождения, почти не отличаясь в этом отношении от непреступных женщин.

Правда и то, что при изучении черепов и мозга я соединил наблюдения многих ученых, несогласных между собой. Но эти несогласия вполне объясняются тем, что каждый наблюдатель предпочтительно останавливался на некоторых аномалиях и пренебрегал другими. И лишь после того, как Корр указал на асимметрию, Альбрехт – на лемуров придаток челюсти, а я указал на среднюю затылочную ямку, антропологи стали обращать внимание и на эти аномалии и заметили их у преступников. Анализ всегда предшествует синтезу; наоборот, если бы я не упомянул всех моих предшественников, меня легко обвинили бы в недобросовестности.

Мануврье, в свою очередь, забывает, что, ничуть не пренебрегая выводами других наблюдателей, я подробно ссылался на 177 черепов преступников, которые изучал я сам и все детали которых, выраженные в цифрах, я изложил в первом итальянском издании моего «Преступного человека». И этим именно черепам я придавал наибольшее значение. Чтобы избежать на будущее всех подобных упреков, я в последние годы стал применять к изучению типа преступника гальтоновскую фотографию^[1]; и непреложные показания солнца подтвердили мои наблюдения лучше всех людских показаний.

Таким образом, доказано, что действительно существуют типы преступников, которые, в свою очередь, подразделяются на типы: мошенников, воров и убийц. В последнем типе сосредоточены все характерные черты, тогда как в других типах они менее резки. В этом типе ясно видны анатомические особенности преступника, и в частности: весьма резкие лобные пазухи,

очень объемистые скулы, громадные глазные орбиты, птелеиформный тип носового отверстия, лемуров придаток челюсти.

Сравнивая эти выводы с результатами статистических таблиц, лежащих в основе этой критики, вы найдете, что вопреки кажущемуся обилию противоречий отношения между аномалиями вполне верны.

Так, для лобных пазух мы имеем 52 %, для асимметрии 13 %, для падающего лба 28 %.

Вот что получается при исследовании одних лишь черепов.

Мануврье неизвестно также, что относительно живых наши исследования далеко не ограничились несколькими *уродами*, а коснулись 26 880 преступников, которые сравниваются с 25 447 нормальными людьми.

Не точно и то, будто частный тип каждого вида преступников не подвергался исследованию. Правда, я этим занимался лишь мимоходом, но Ферн – первый, а затем Оттоленги, Фриджерио и, в особенности, Марро, а в России Тарновская разработали эту тему с поразительным обилием деталей.

Вполне естественно, что в первых трудах имелись в виду лишь общие черты и только впоследствии стали изучать различия каждого вида; так бывает при всякой работе – всегда от простого переходят к сложному, от однородного к разнородному.

Все эти упреки в большинстве случаев являются прямыми последствиями незнакомства с тем, что печатается на иностранных языках. Они все еще ссылаются, например, на моего «Преступного человека», который представляет лишь первую часть сочинения, уже устаревшего, в то время как после уже напечатано на ту же тему много других работ, гораздо более ценных.

III

Профессор Маньян, пред которым я преклоняюсь как пред одним из величайших европейских психиатров, который так же велик, как Шарко в области алкоголизма, оспаривает мое мнение, что детскому возрасту свойственно врожденное предрасположение к преступлениям. Он начинает с того, что приводит две-три странички из Майнерта об ощущениях новорожденного. Но цитаты эти бесполезны: чтобы доказать существование у детей преступных наклонностей, я изучал ребенка не в первые дни его жизни. В это время ребенок ведет растительную жизнь, и его можно сравнить скорее всего с зоофитами; конечно, в этом периоде не может быть и речи об аналогии с преступниками. Обрушившись на сравнение, которое не имеет никакого отношения к настоящему вопросу, Маньян затем лишь вскользь говорит два слова о другом периоде, на который ему и следовало бы, главным образом, обратить внимание.

«Дитя, – говорит он, – *от растительной жизни переходит к жизни инстинктивной*». Было бы хорошо, если бы он подробнее развил мысль, резюмированную в этих двух строках; тогда он разгадал бы загадку. Он нашел бы, как и Перес, у дитяти склонность к гневу, доходящую до битья людей и всего другого, до состояния дикаря, приходящего в ярость во время охоты за бизонами. Он узнал бы из сочинений Моро, что многие дети не в состоянии ждать ни минуты того, что они требуют, не приходя в ярость; среди детей многие завистливы до такой степени, что суют нож в руки родителей, *требуя казни своих соперников*; он узнал бы, что существуют дети-лжецы, о которых Бурден написал замечательное исследование. Он знал бы, что у всех детей бывают скоропреходящие вспышки страсти; он нашел бы у Лафонтена мнение, что *«этот возраст не знает жалости»*; он узнал бы из Бруссе, что дети любят мучить животных слабых; он узнал бы, что у них, как и у преступников, встречается полнейшая леность, идущая рука об руку с кипучей деятельностью, лишь только дело коснется удовольствий и забав; тщеславие, которое заставляет их хвастать новыми ботинками, шапками, вообще малейшим своим превосходством.

Вот где Маньян должен был бы указать ошибку мне или, вернее, Пересу, Моро, Бурдену, Бруссе, Спенсеру, Тэну, которые все это заметили раньше меня.

И тогда он не сказал бы, что *«наклонность к жестокости, свирепость по отношению к животным встречаются лишь у детей совершенно больных, душевно неуравновешенных»*.

Конечно, в вырожденных детях, заклеянных наследственностью, эти наклонности продолжают существовать во всю жизнь и обнаруживаются при первом удобном случае, задолго до полной зрелости, так как случаев делать зло достаточно и в этом возрасте. Мой противник, конечно, согласится с тем, что воспитание в подобных случаях бессильно; в лучшем случае оно может дать только внешний лоск, который и служит источником всех наших заблуждений.

Наоборот, у хороших детей воспитание очень плодотворно, облегчая их перерождение, переход от состояния чисто физиологического к состоянию, которое можно было бы назвать состоянием нравственной зрелости. Перерождение это могло бы вовсе не иметь места, если бы дурное воспитание его задержало. Мы наблюдаем подобное явление на лягушках-tritонах, которые в очень холодной среде не переходят в последнюю стадию превращения, а остаются головастиками.

Но, быть может, Маньян соглашается сам с нашим взглядом, говоря, что указанные нами явления следует признавать не естественным предрасположением к преступлению, а скорее патологическим клеймом, вырождением, влекущим за собой расстройство мозговых функций.

В таком случае я здесь позволю себе сделать одно справедливое замечание.

Если бы так выразился юрист старой метафизической школы, мне были бы понятны эти схоластические тонкости, подобная византийская игра слов, но в устах такого почтенного медика, как Маньян, это совершенно непостижимо.

Маньян не замечает, что именно в этом клейме, упрочивающем и способствующем развитию врожденной склонности к преступлению, гнездится уродливая и болезненная природа врожденного преступника, тогда как при отсутствии такого наследственного патологического клейма преступные склонности атрофируются, подобно тому как в хорошо, правильно развивающемся теле атрофируются органы зародышевой жизни, например зубная железа.

Отрицая врожденную склонность к преступлению, Маньян вслед затем сам приводит целый ряд случаев подобной врожденной склонности. Не думаю, чтобы это делалось с целью доказать неосновательность своего собственного мнения; если же Маньян желал только сказать, что так называемые врожденные преступники суть дети алкоголиков, то он повторил лишь то, что уже сказано в моем итальянском издании и что лучше меня и раньше меня объяснили Сори, Кнехт, Якоби, Моте и раньше нас всех наш общий учитель Морель.

Уважая Маньяна за его личные качества и за талант, я просил бы его сознаться, не были ли его типы вырождения без физических признаков тщательно подобраны из сотен других, имевших физические признаки и не упомянутых Маньяном¹. Я же не прибегал к такому подбору; я прямо без всякого выбора взял 400 преступников из сборника германских преступников.

Маньян также утверждает, что выставленные нами характерные черты недостаточны для судебных деятелей и ими не признаются. Конечно, если даже просвещенные медики способны отрицать очевидные факты и сомневаются в своих собственных открытиях, то что ожидать от судей; они найдут в этом еще лишний повод не доверять нам. Но, само собой разумеется, что виноваты здесь мы сами.

Впрочем, мы трудимся не для юридического применения; ученые занимаются наукой ради науки, а не для практического применения, которое осуществляется нескоро.

Никто не сомневается, что физический способ исследования всегда имеет больше шансов на успех, может быть более точным, нежели психологический, часто затемняемый симуляцией.

Маньян, как и многие другие ученые, слишком занят собственными исследованиями, чтобы знать и изучать труды других; однако ему могло быть известно, что мы строим свои выводы не на одних только физиологических данных, которые очень часто отсутствуют, но на биологических и функциональных. Эти последние почти всегда находятся у настоящего преступника; так, все они левши, у всех у них замечается расстройство рефлексов и органов чувств – все это характерные черты, очень часто заслоняющие пробелы, остающиеся после исследования черепа и физиономии.

Может ли он отрицать присутствие таких функциональных аномалий также и у новорожденных?

Нас упрекают в том, что мы недостаточно внимательно исследуем влияние физической и нравственной среды. Относительно первого критика ошибается; нас, скорее, могли бы упрекнуть в противном, ибо мы написали обширное исследование, где разбирается исключительно влияние физической среды; относительно значения нравственной среды – упрек справедлив, но легко найти и оправдание: наши противники так много занимаются этими вопросами, старинные писатели придавали этому вопросу такую важность и так осветили его со всех сторон, что мы не считаем нужным заниматься им; не стоит тратить труда для доказательства того, что солнце светит.

Тард и Колайанни отрицают соотношение между органами и их функциями, что *a priori* лишило бы всякого значения уголовную антропологию.

¹ При физическом исследовании этих вырожденных, произведенном знаменитыми клиницистами больницы св. Анны, найдено много таких признаков, хотя и в меньшем количестве, чем у преступников. Было найдено: лемулов придаток у вора, боковые резцы и чрезмерная челюсть у нимомомана; у всех притупление осязания и т. п.

«Соотношение между органом и его отправлением, – пишет Колайанни, – очень темно. По существованию органа нельзя заключать с положительностью о существовании его отправления; существуют органы без активных функций». «Но это, – справедливо возражает Серджи, – просто несообразность. Для чего же служат эти органы без функций? Может быть, это запасные органы для замены органов, разрушаемых деятельностью, подобно новому платью, заменяющему старые отрепья? А если соглашаться с ним, что функции создают орган, то как же рождается орган, лишенный всяких функций?»

И если действительно органы укрепляются и увеличиваются от деятельности, то не менее верно и то (а это забывают Тард и Колайанни), что для их деятельности прежде всего они должны быть налицо. Икры танцовщиц, остроумно замечает Бруар, укрепляются от танцев, но для того, прежде всего, необходимо иметь... икры!

Но чем в особенности Колайанни думает уничтожить нас вконец, это тем, что, по его мнению, мы противоречим сами себе. Очень легко, конечно, найти противоречия у одного и того же писателя, вырвав из его книги два положения, но еще легче, как в данном случае, найти разноречия у различных авторов. Так как группы наблюдаемых индивидуумов различны, то и результаты могут не совпадать. И это известно всем, кто занимается антропологическими исследованиями. Если я, например, измеряю 100 овернских черепов, то найду известный размер и величину; если же я измерю 100 других черепов, то, большей частью, получу иные размеры и величины.

Почему же не может случиться того же самого и относительно емкости черепа, веса мозга, веса тела, роста, признаков вырождения у преступников различных стран, различных национальностей и даже преступников одной и той же страны? Искусство наблюдателя состоит в том, чтобы найти однородность среди разнообразия; и лишь поверхностный наблюдатель и противник, добросовестный или недобросовестный, найдут здесь хаос и противоречие.

Фере также не согласен с моим заключением, что «зародыши нравственного помешательства и преступления нормально встречаются в первые годы жизни человека подобно тому, как в зародыше постоянно существуют известные образования, которые в юношеском возрасте представляются уродствами». Он основывается на том, что род человеческий образовался, главным образом, благодаря людям, отличавшимся антисоциальными наклонностями детского возраста. Он при этом, очевидно, забывает о диких народах. Но, быть может, в данном случае мы не понимаем вполне друг друга. Указывая у детей различные расстройства речи (лаггория, дисфазия и прочее), свойственные помешанным и идиотам, Прейер не считает, конечно, идиотов и сумасшедших детьми и обратно; он лишь указывает на атавистическое происхождение этих аномалий; он указывает, что эти странные явления, ненормальные у сумасшедших, свойственны известному возрасту человека, и, таким образом, он эмбриологическим путем объясняет происхождение уродств.

Неверна также мысль, что вырождение преступника исключает возможность типа преступника, ибо всякое вырождение (кретины, золотушные) представляет свой особый тип.

Лист, вполне одобряя, как мы увидим ниже, наши практические выводы, не согласен принять наших теорий только потому, что многие их критикуют и оспаривают.

Но такова участь всех тех, которые осмеливаются прилагать новые пути в науке, не считаясь с общественной рутиной, в то время как слащавые эклектики, подобные губкам, впитывающим все, ничего не отвергая, удовлетворяют всякого и не встречают ни с чьей стороны критики, но они обречены на немедленное забвение.

Чезаре Ломброзо

Глава 1. Морфологические аномалии

Если верно, что плодovitость семьи есть истинный признак здоровья, то уголовная антропология, по моему мнению, не нуждается в доказательствах своего процветания, хоть и находятся люди, которые считают ее мертворожденной и отказывают ей в крещении и имени, в которых вообще не принято отказывать невинным новорожденным. *Che moi non fur vivi*² (Данте).

Всего четыре года тому назад, к изумлению врагов современного прогресса, собралось в Риме со всех концов Европы 128 ученых с докладами о последних открытиях в этой новой, но уже созревшей науке, открытиях, наглядно продемонстрированных прекрасной выставкой. Но с того времени развитие уголовной антропологии, без преувеличения, удвоилось как по скорости, так и по значению сделанных успехов. Все области этой науки изобилуют новыми наблюдениями.

² Этот жалкий люд (*ит.*).

I

Мозг. Укажем лишь на аномалии мозговых извилин, которые, как полагали, вообще не поддаются научному исследованию, а в действительности не поддавались ему лишь потому, что не удавалось установить их нормальный тип. Лемуан у одного kleптомана, бывшего коммунара, указал нам аномалию, пока единственную в науке, а именно врожденное слияние двух лобных долей. Гетцен описывает у Марии Каустер, 15-летней матереубийцы, убившей с целью воспользоваться наследством и не обнаруживавшей ни малейшей психической аномалии, геморрагический пахименингит, атрофию лобных извилин и затылочной доли, не покрывавшей мозжечок, и большое количество атрофированных участков в извилинах, особенно левого полушария.

Ламбль нашел у молодой девушки, обвиненной в мошенничестве, полную поренцефалию с разрушением восходящей лобной извилины у места ее происхождения. Рихтер показал в Берлинском психологическом обществе мозг преступника с раздвоенной роландовой бороздой; Фалло, Бенедикт, Браун, Тенчини, Виллиг и Миньяццини наблюдали в 5 случаях из 112 настоящую затылочную крышечку, то есть большую глубину второй переходной складки, что очень редко встречается в нормальном мозге, но очень часто у микроцефалов (4 из 12). Из 112 преступников у 7 наблюдалось отделение птичьей борозды от затылочной, между тем как то же явление наблюдалось всего 1 раз у 100 обыкновенных субъектов и 1 раз у 12 негров.

Другой факт, ныне прочно установленный, – это увеличенный мозжечок в сравнении с величиной мозга.

Даже преступницы, у которых обыкновенно очень мало аномалий, в этом отношении сходны с мужчинами. Вес мозжечка и его придатков у преступниц равен 153 граммам, у обыкновенных женщин он весит 147 граммов; у мужчин – около 169 граммов.

Все наблюдатели подтверждают частоту ненормальных слияний борозд, что часто совпадает с увеличенным объемом мозга; эти аномалии подтверждают пророческие слова Брока, отца антропологии, а следовательно, праотца уголовной антропологии. «Одно или несколько таких слияний, – сказал он, – не препятствуют мозгу быть совершенно развитым, вполне уравновешенным; если же таких слияний много и они поражают существенные части мозга, то это служит указанием на его неправильное развитие. Такие аномалии можно часто видеть на маленьких мозгах бедных разумом слабоумных, также на мозгах убийц, с тем различием, что в первом случае весьма незначительное развитие переходных борозд, или анастомозов, находится в связи с недостаточным развитием борозд вообще и с малой величиной мозга; тогда как во втором случае оно совпадает, наоборот, с полным развитием большей части борозд и свидетельствует о неравномерном развитии мозга».

II

Череп. Вполне понятно, что именно на черепе, нормальный тип которого хорошо известен, наблюдалось наибольшее количество аномалий не только в новейшее время, но и в предшествующие века.

Начнем с аномалии, быть может, наиболее характерной и наиболее атавистической у преступников, а именно со средней затылочной ямки. Частое повторение ее замечено всеми наблюдателями: Бенедикт, Тенчини, Миньяццини, за исключением Фере, который, мы полагаем, не обратил достаточно внимания на этот признак.

Интересно отметить, например, что Марино, предпринявший свои изыскания с целью опровергнуть атавистическое значение и важность этой аномалии, наоборот, принужден был, подтвердив ее, установив следующие пропорции:

4,19	у нормальных европейцев (1320);
16	у европейских преступников (150);
50	у зеландцев (22);
22	у австралийцев (222);
26	у американцев (46);
19	у египтян и этрусков (126).

Ромитти, Тенчини, Миньяццини и Фриджеро нашли еще большие числа.

Частое повторение преждевременного сращения костей также подтверждено исследованиями Миньяццини и Ромитти, а частое появление чрезмерно развитого лобного гребня (разобранное Тенчини в заседаниях первого конгресса) подтверждено Миньяццини, Варалья, Марино, которые нашли эту аномалию у 47 % преступников и у 14 из 100 не преступников.

Марино нашел вормиевы косточки в 23 % своих преступников; я нашел то же самое отношение: у папуасов – 36 %, у австралийцев – 28, у южных итальянцев — 16 %, у северных итальянцев – 85 %. Пента, со своей стороны, наблюдал очень оригинальный атавистический признак: присутствие двух ненормальных косточек по бокам затылочной кости, соединяющихся с крыловидной костью, как у плейронектилов.

Миньяццини, изучая 30 черепов преступников, нашел в 16 % метопизм, в 6 % слияние костей носа, в одном случае базиотическую кость, в 33 случаях из 100 – выпуклость надбровных дуг, в 10 % субмикроцефалию, в 20 % полное уродство черепа, т. е. асимметрию, стенокротафию, громадную челюсть и т. п. на одном и том же черепе.

Северн, а еще раньше Варалья нашли большую емкость черепных затылочных ямок, что подтверждает и объясняет большую величину мозжечка у преступников.

Применяя сложную (гальтоновскую) фотографию к изучению типа преступника, я нашел в 6 черепах убийц и в 6 черепах разбойников два типа, удивительно схожие и представляющие с очевидной ясностью характерные черты врожденного преступника и даже, скажем прямо, дикого человека: очень резкие лобные пазухи, скулы и челюсти очень большие, орбиты громадные и удаленные одна от другой, асимметрию лица, птелеиформный тип носа, лемуров придаток челюстей. Другие 6 черепов мошенников и воров дали тип менее резкий, но асимметрия, ширина орбит, выпуклость скул – ясно выражены, хотя и не так резко. На фотографии, полученной со всех 18 черепов, эти аномалии менее ясны.

Наблюдение это, на мой взгляд, существенно и с более общей точки зрения как сильный довод в пользу важности и значения так называемых статистических средних, которые, казалось, должны были погибнуть от ударов, нанесенных им в последнее время. Теперь мы имеем прочные устои для наших теорий, производя наблюдения над вполне однородными группами.

III

Скелет. Изучая 63 скелета преступников, Тенчини нашел в них 6 % прободения локтевого отростка, что наблюдается в 31 % европейцев и в 34 % полинезийцев; он заметил также в 10 % излишнее количество и в 10 % недостаточное количество ребер и позвонков, что напоминает сильные колебания численности этих костей у низших позвоночных.

В последнее время Тенчини нашел у одного преступника отсутствие 4 крестцовых позвонков, замещенных 4 дополнительными шейными позвонками.

IV

Аномалии у живых. Марро изучил все разновидности «преступного человека» и нашел, что аномалии, названные им атипичными (например, кривой нос, зуб и прочее), встречаются у преступников против телесной неприкосновенности реже, чем у нормальных людей; обратное замечается у воров и плутов. Единственный только тип мошенника приближается к средней физиологической норме, оставаясь, однако, ниже ее.

Патологические аномалии (парезы и прочее), зависящие почти всегда от пьянства или тюремной жизни, встречаются всего чаще у убийц, а у преступников против телесной неприкосновенности их меньше.

Увеличенный объем и большую окружность головы он нашел у плутов и простых воров, у которых также замечалась увеличенная поперечная кривизна головы; наименьший вертикальный диаметр черепа (4,3) был найден у убийц-рецидивистов, а у убийц-нерецидивистов этот диаметр равнялся 1,6. Ферри нашел у убийц большую длину лица, чем у преступников против телесной неприкосновенности и у плутов. Марро заметил, что у мошенников брахицефалия выражена слабее, а микроцефалия встречается реже.

Он нашел среди преступников 86 % узколобых и 41 % низколобых. Те же размеры лба у нормальных людей составляют соответственно 51,9 и 15 %.

У убийц Марро часто встречал сильно выраженный челюстный диаметр, выдающиеся скулы, черные и густые волосы, отсутствие бороды и бледность лица.

Брахицефалия встречается у преступников против телесной неприкосновенности чаще, чем у других преступников. Длина рук и даже кистей рук тоже характерна для этих преступников. Наоборот, у насильников характерные черты суть: узкий лоб, короткие руки и короткие кисти рук, что приближает их к типу преступных женщин, как это увидим ниже.

У бродяг замечается отсутствие физических признаков, характеризующих энергию (каковы лобные пазухи, массивные челюсти), и, наоборот, присутствие аномалий, указывающих на физическую и нравственную дряблость (например, грыжи).

Телесные и психические аномалии достигают у убийц 45 %, у насильников 33 %, у воров (со взломом) 24 %; они часто встречаются также у случайных преступников.

Что касается страданий нервной системы, то они часто встречаются у убийц (45 %) и еще чаще у поджигателей (85 %), реже у воров (36 %) и бродяг (38 %), еще реже у насильников (33 %) и у разбойников (23 %), у воров (со взломом) (24 %), у преступников против телесной неприкосновенности и у мошенников.

Относительно особенности рук Марро нашел, что вообще толстые и короткие руки встречаются часто у убийц, тогда как у других преступников преобладают удлинённые кисти рук, причем длина пальцев равна длине ладони, а иногда и больше.

Особенности в области чувствительности замечаются в различных группах преступников и даже у отдельных лиц одной и той же группы. Марро нашел, что понижение общей чувствительности наиболее часто встречается у насильников, затем у убийц, разбойников и мошенников.

Относительно умственного развития можно сказать, что вообще оно понижено у преступников против личности и повышено у преступников против собственности и у мошенников.

Страсть к игре велика у насильников и преступников против телесной неприкосновенности; не так сильна у бродяг, разбойников и убийц.

Аномалии эти выражаются в следующих процентных отношениях:

Убийцы	37%
Насильники	66%
Преступники против телесной неприкосновенности	66%
Разбойники	51%
Поджигатели	14%
Мошенники	45%
Бродяги	63%
Воры	59%

Как и следовало ожидать, склонность к пьянству очень распространена среди преступников. Действительно, Марро нашел этот порок в 74,7 случаях из 100. По его же исследованиям, религиозность развита у преступников почти в той же степени, как у нормального человека; даже у убийц и насильников она еще сильнее; быть может, потому, что преступников последних категорий больше среди деревенских жителей; наоборот, у случайных преступников, за исключением воров, религиозность развита слабо.

Склонность к рецидиву и преждевременное развитие порока преобладают среди случайных преступников, имеющих вообще мало признаков вырождения.

Что касается наследственности, то она прежде всего зависит от пожилого возраста родителей, от алкоголизма, раздражительности отца, затем, на втором плане, от сумасшествия или преступности родителей.

	У отца	У матери	У предков со стороны отца	У предков со стороны матери
П р о ц е н т ы				
Алкоголизм	41	5,1	—	—
Старость	32	17	—	?
Сумасшествие	9,2	3,3	2,7	1,1
Страдания головного и спинного мозга	21,1	18	—	—

	У отца	У матери	У предков со стороны отца	У предков со стороны матери
П р о ц е н т ы				
Эпилепсия	1,7	0,9	0,1	0,1
Преступность	3,3	6,3	—	—
Безнравственность или буйный характер	22,6	11,0	—	?
Чихотка легких	5,1	10,1	—	?

Причина смерти родителей:

	Отца	Матери
П р о ц е н т ы		
Алкоголизм	7,2	2,1
Самоубийство	1,4	—
Душевная болезнь	6,5	5,3
Страдания головного и спинного мозга	21,1	18,2
Туберкулез	5,1	10,7

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что у убийц преобладают кривизна и поперечный диаметр головы; задняя полуокружность головы более развита, чем передняя; нижняя челюсть массивна и скулы далеко расставлены; чаще всего волосы у них черные и курчавые, борода редкая, часто бывает зоб и короткие кисти рук. У преступников против телесной неприкосновенности наиболее постоянный признак — брахицефалия, а затем следуют удли-

ненные руки и кисти рук. У насильников замечается маленький рост с относительно большим весом тела, короткие руки и кисти рук, узкий лоб и очень маленькая передняя полуокружность головы. Часто встречаются аномалии половых органов и носа, и почти всегда очень низкое умственное развитие.

Курчавые волосы, редкая борода, происхождение от алкоголиков или невропатов – характерные черты разбойников. Многие из них татуированы и имеют повышенные рефлексy.

Поджигатели – почти все сумасшедшие и происходят от умалишенных родителей.

Для мошенников характерны: массивная челюсть, далеко расставленные скулы, очень большой вес тела, пожилые родители, удовлетворительное, иногда хорошее умственное развитие.

Воры (со взломом) похожи на разбойников по своим физическим и психическим особенностям. Среди них много притворных помешанных. У воров других категорий бывают черные волосы и редкая борода; умственное развитие выше, чем у прочих преступников, за исключением мошенников; среди них много хронических алкоголиков, между тем как алкоголизм у их родителей встречается редко.

У бродяг Марро нашел много психических аномалий: приостановившееся умственное развитие, падучую и другие болезни, объясняющие их странные наклонности.

Преступницы сильнее поддаются влиянию социальных условий, нежели преступники; затем большое влияние на них оказывают старость, сумасшествие и алкоголизм родителей, которые дают почти столько же преступниц, сколько и преступников.

V

Утверждали, что приведенные наблюдения стоят в противоречии с моими; напротив, они только точнее подтверждают их; они указывают на виды там, где я подметил только род; а подразделение явлений, которые, на первый взгляд, казались простыми, есть признак прогресса. Всегда переходят от простого к сложному.

Изучая при помощи статистического метода 100 новых типов преступников, позировавших (я заимствую это выражение у художников) в моей лаборатории, профессор Росси подтвердил почти все наблюдения Марро. Средняя окружность черепа оказалась равной 552 сантиметрам (по Марро, 550 сантиметров); переднезадняя кривизна равна 345 сантиметрам (по Марро, 340 сантиметров); поперечная кривизна равна 229 сантиметрам (по Марро, 211 сантиметров).

Брахицефалия встречалась чаще (83,3 %), тогда как долихоцефалия составляла всего 8 %, амезатицефалия – 8,3 %. Емкость черепа 15,48 (по Марро, 15,72).

Наиболее часто встречались следующие аномалии головы:

	Проценты
Чрезмерные лобные пазухи	20
Оксицефалия	5
Платицефалия	5
Скафоцефалия	4
Плагоцефалия	5
Асимметрия лица	24
Чрезмерное развитие челюстей	23
Петлистые уши (à anse)	24

и следующие аномалии лица:

Косоглазие	14
Зубы с бороздками	8
Отсутствие средних резцов	2
Отсутствие средних глазных зубов	1
Чрезмерное развитие средних резцов	3
Чрезмерное развитие средних глазных зубов	2

Средняя чувствительность осязания, по Росси (69 преступников), равнялась 2,62 миллиметра на правой стороне и 2,41 миллиметра на левой стороне.

Отсутствие болевой чувствительности найдено в 15 %; повышенная болевая чувствительность на левой стороне – в 34 %, на правой стороне – в 39 %; одинаковая на обеих сторонах – в 15 %.

Левая половина тела оказалась более сильной в 40 случаях из 100. Падучая в 38 случаях. Из 100 преступников 81 предавались пьянству (причем 15 с детства).

Вспыльчивость, раздражительность замечались в 40 случаях из 100.

Непостоянство в 18 случаях; религиозность в 25 случаях; татуировка наблюдалась в 23 случаях.

VI

Оттоленги исследовал носовую выемку на 526 черепах, из которых 397 принадлежали нормальным людям, 129 преступникам и 50 сумасшедшим. Он нашел аномалии в 23,92 % у нормальных, в 39,52 % у преступников (48,14 % у мужчин, 33,33 % у женщин).

Большее значение имеет открытая им истинная обезьянья борозда – высшая степень аномалии, встречающаяся в 1,70 % у нормальных людей и в 16,60 % у преступников.

На 20 черепах кретинов из Ломбардии и Пьемонта аномалия носовой выемки составляла 55 %. У сумасшедших (почти все пьемонтцы) эта аномалия давала почти тот же процент (42 %). 13 эпилептиков дали 38,16 %. Оттоленги искал аномалии носового гребня на черепах 60 нормальных людей, 30 преступников, 13 эпилептиков, 50 сумасшедших и 20 кретинов; и нашел их очень развитыми у преступников (48,7 %), в особенности у убийц, и у сумасшедших (40 %); эти аномалии реже встречаются у нормальных людей (24 %).

Были изучены также размеры, направление, поверхность и выпуклость носовых костей.

Наиболее развиты носовые кости у преступников, в особенности у убийц (40 %); у нормальных людей такое же развитие носовых костей встречается всего в 4 случаях из 100.

Относительно направления Оттоленги нашел весьма частое (36 %) отклонение носовых костей у преступников; у эпилептиков оно составляло 30 %; у нормальных людей всего 16 %.

Также встречалось *асимметрическое носовое отверстие*, названное Велекером *птелеиформным*; эта аномалия, очень редкая у нормальных людей (8 %), преобладает у преступников (37,5 %), в особенности у воров (37,5 %) и сумасшедших (32 %), у кретинов (20 наблюдений – 20 %) и у эпилептиков (13 наблюдений – 32 %).

Оттоленги изучал также на живых людях (630 нормальных людей, 392 преступника, 40 эпилептиков и 10 кретинов) форму носа, его профиль, основание, ширину, выпуклость, по правилам, намеченным Бертильоном.

Преступники имеют вообще прямой нос (60,31 %) с горизонтальным основанием (60,97 %), умеренной длины (48,73 %), не слишком выпуклый (38,53 %), часто несколько отклоненный в сторону (48,13 %) и довольно широкий (54,14 %).

Довольно резко различаются нос вора и нос насильника.

Воры преимущественно имеют нос прямой (40,4 %) часто вогнутый (23,3 %), вздернутый у основания (32,3 %), короткий (30,92 %), широкий (53,28 %), сплюснутый (31,33 %) и во многих случаях отклоненный в сторону (37,5 %).

Насильники чаще имеют прямой нос (54,5 %), сплюснутый (50 %) и отклоненный в сторону (50 %), умеренных размеров.

У нормальных людей нос или кривой (26,87 %), или волнистый (25,4 %), несколько длинный (57,7 %), умеренной ширины (54,8 %); у основания весьма часто опущенный (42 %) и очень редко отклоненный в сторону; чаще всего выпуклый (30 %).

Таким образом, гораздо чаще нос преступника отличается от носа нормального человека прямым профилем и отклонением в сторону; носы различных типов преступников довольно резко различаются друг от друга длиной, шириной и выпуклостью.

Нос эпилептика часто волнистый (42 %) и кривой (32,8 %); у основания горизонтальный (72,3 %), очень длинный (75 %), во многих случаях довольно широкий (30 %); часто отклоненный в сторону (25 %), почти всегда выпуклый (59,94 %).

У крестина нос сплюснутый, очень часто вогнутый (50 %), с горизонтальным основанием (100 %), короткий (60 %), широкий (100 %), сплюснутый (100 %), часто отклоненный в сторону (40 %).

VII

Относительно аномалий уха у преступников Фриджерио обнародовал исследования, имеющие большое значение. Вот выводы, им полученные:

- 1) ушная раковина занимает первое место среди органов, указывающих на вырождение;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.